

Вячеслав ХАРЧЕНКО

Вячеслав Харченко родился в 1971 году в Краснодарском крае. Закончил школу в Петропавловске-Камчатском, выпускник МГУ им. Ломоносова, учился в Литературном институте им. Горького. Стихи и проза печатались в журналах «Новая юность», «Арион», «Знамя», «Октябрь», «Крещатик», «Новый берег», Ното Legens и др. Автор книги прозы «Чай со слониками» (М.: Время, 2018). В «Волге» публикуется с 2014 года. Живет в Москве.

СТАЛИНСКИЙ ДОМ

Повесть в рассказах

Мой дом

Рядом с моим домом через арку сквер в пятьдесят толстенных тополей, в центре которого свербит незаметной струйкой мраморный фонтанчик. Через дорогу кафе, где я покупаю латте и слойку с творогом, а потом возвращаюсь в сквер на когда-то крашенные в оранжевый цвет лавочки почитать какую-нибудь белиберду.

Почитать мне обычно удается недолго. То подсядет дзюдоист Егор, окончивший спортивную школу вместе с Путиным, то электрик Семеныч, запускавший космическую станцию «Мир», то ковщик Павел, внучатый племянник Есенина, любящий цитировать «Собаку Качалова», то Анна Михайловна из 111-й квартиры, увешенная одиннадцатью пекинесами.

Им всем хочется поговорить, мы долго разговариваем, белиберда не читается, время уходит последней ночной электричкой с Выхино.

Если я не прочту белиберду, то мне станет плохо, потому что это очень важная и исключительная белиберда, от которой зависит ценность и нужность бытия.

Поэтому в последнее время я слился с пространством. Купил широленные штаны-хаки на веревочке, резиновые вьетнамские шлепанцы, футболку с дырочками в подмышках и бейсболку «Ну погоди». Не бреюсь в пятницу и субботу.

В таком виде я могу часами читать в сквере белиберду, являясь незаметной частичкой социума, ни у кого не возникает желания подсесть ко мне, чтобы завести разговоры о тайнах Вселенной.

Иногда я откладываю белиберду в сторону и с тоской оглядываюсь по сторонам: не идет ли кто-нибудь ко мне. Но двор безмолвствует, все происходит незаметно и по плану, словно меня нет, словно я просто маленькая незаметная молчаливая пылинка моего двора.

Павел

В квартире напротив моей живет огромный двухметровый ковщик Павел с кулаками размером с узбекскую дыню и широкими плечами. Если бы он захотел, то мог бы поднять меня до потолка, но мы просто курим.

Зимой, когда мороз доходит до двадцати градусов и в нашем дворе отсидевшая восемь лет дворничиха Любовь Платоновна заливает из гибкого резинового шланга детям хоккейную площадку, мы стоим в пролете первого этажа и, попыхивая заграничными сигаретами, ругаем власть.

Ругаем мы вяло, потому что в принципе как-то обширно нам ругать мэра не за что: рынки Собянин закрыл не все, вместо маршруток за деньги пустил синие газики по метрошным талонам, а абхазский ларек с овощами и фруктами остался.

Павел делает решетки, ограды, ворота, ножички и просто куёт в свое удовольствие художественные ценности: розочки, олешков, всякую мелкую красоту. Клипы с его работами можно увидеть на ютубе.

Он выковал решетки всему дому, а на свои окна первого этажа не навесил, и его ограбили ловкие заезжие гастролеры из Подмосковья.

Пришедший участковый Александр Петрович, с которым мы ходили в одну школу, только покачал головой и как-то по-детски виновато улыбнулся, развел руки и произнес: «В сберкассе снимал? Стучат там, стучат».

В мае и летом Павел пропадает в деревне Константиново, найти его сложно, по осени привозит из деревни огромные корзины штрифеля и белого налива и угощает меня и весь подъезд. Паша внучатый племянник Есенина.

Иногда, когда он выпивает, а пьет Паша мало и в меру (пьяным я его не видел), он стоит со мной на лестничной клетке, вдыхая синеватый дым, и цитирует по памяти «Кобыльи корабли» Сергея Александровича.

Если волк на звезду завыл,
Значит, небо тучами изглодано.
Рваные животы кобыл,
Черные паруса воронов.

За окном на подоконнике сидит трехцветная счастливая кошка Лизка, по двору бродит злобный соседский бультерьер Буля из 93-й квартиры, подвывая на желтую клыкастую луну, прямо над нашими головами торчит Большая Медведица.

Жена Лена открывает дверь на лестничную клетку и зовет меня ужинать, ковщик Павел жмет мне на прощание руку, и я думаю, что если бы он захотел, то запросто оторвал бы мне ладонь.

Ночная жизнь

Я тяжело встаю на работу. Завожу четыре будильника: один механический и три электронных, но даже когда отрываю голову от подушки и, пересиливая мучительное желание продолжить сон, бреду невыспавшийся в стальной офис, все равно не могу нормально работать. До обеда ничего не делаю, пялюсь в экран компьютера, пью кофе, читаю спортивные газеты и от этого испытываю гнетущее чувство стыда, не дающее мне спокойно жить.

Сегодня рылся в интернете и нашел программу, которая будит человека не по установленному времени, а по фазам сна. Она следит за временем, когда ты лег, внимательно прослушивает пространство (как ты сопишь, храпишь и свистишь), записывает все, что происходит вокруг тебя во сне (ну что там может происходить – ночью ведь тишина), и по этим входным данным отсчитывает, когда необходимо просыпаться. Из-за этого дальнейшее существование становится радостным и безболезненным.

Я скачал программу на мобильник, внимательно изучил инструкцию. Удивляло одно, что будильник все-таки необходимо поставить.

«Странно, – подумал я, – зачем ставить будильник, если все равно программа разбудит, когда захочет», – но просьбу выполнил, установил подъем на семь утра, улегся в кровать и блаженно заснул.

Программа разбудила меня ровно в то время, на которое я поставил будильник, на экране мобильного телефона красовалась надпись: «Расчет фаз сна не произведен из-за посторонних шумов». Настроение было поганым и испорченным. В подавленном состоянии я поплелся на работу с твердым намерением разобраться, что же произошло.

Вечером я прослушал ночную запись шумов, которую произвела программа. Я слышал ворчание и скулеж старого больного пса Були из квартиры сбоку, я буквально видел, как сосед сверху дзюдоист Егор открывает холодильник и втайне от жены булькает холодным жигулевским пивом, кряхтя и причмокивая, как по проспекту 40 лет Октября стремительно проезжает скорая помощь, как в ночном дворе кто-то надрывно хрипит под гитару «Восьмиклассницу», а припозднившиеся с ночной смены таджики, не имея ключа от закрытого подъезда, залезают в открытое окно второго этажа по ледяному козырьку.

Жизнь бурлила. Смерть и тьма бессильны даже ночью. Когда мы спим, все равно что-то происходит, и никакая навороченная американская программа не может рассчитать фазы сна, потому что отовсюду, даже издалека, из самой забытой Галактики до ее чутких радаров доходят звуки радости и печали, любви и труда, вечности и бессмысленного горения.

Я много раз еще пытался рассчитывать фазы сна, чтобы проснуться по науке, я закрывал окна, конопатил щели и выключал электрические приборы, компьютер и обогреватель, но неизменно получал один и тот же результат: программа не могла произвести расчет из-за посторонних шумов.

В конце концов, я решил снести программу с мобильного телефона, но неожиданно получил отпор от жены Лены: она частенько во сне проговаривает важные мысли, так нужные ей в дневное время для написания статей и заметок.

Теперь каждое утро моя любимая жена прослушивает, что за ночь записала навороченная американская программа. Может быть, там есть что-то очень нужное, важное и жизненно необходимое.

Выборы

Электриков в ЖЭКе двое, поэтому новые лифты в районе стоят уже два месяца. Жильцы, уставшие от физзарядки в девятиэтажках, звонят, ругаются, диспетчер обещает сообщить начальнику, но что делать, если электриков двое. Только в пятницу они собрались, когда с подстанцией закончили. Подстанция старенькая, автоматы вышибает, они их меняли.

Лифты оказались как с иголки, только что с завода, инструкций нет. Сережа полез, его долбануло, Семеныч тогда сыну позвонил, чтобы он из интернета схемы добыл. Пока сын качал, пока распечатывал у дагестанцев в фотоателье, пока принес, пока разобрались, ночь и наступила. Постояли Семеныч с Сережей, покурили, подумали: «В понедельник закончим, какого хера мы в свои законные выходные должны вместо жигулевского пива по шахтам лазить». Ну и ушли домой, а буквально в субботу в 12 дня начальник орет Семенычу в мобильный:

– Если ты, тварь, Семеныч, лифты через два часа не пустишь, я тебя, тварь, Семеныч, зарюю нахрен!

– Федор Платонович, – отвечает Семеныч, – у меня же руки трясутся после вчерашнего, к чему такая спешка?

– Семеныч, – вопит Федор Платонович, – ты хоть помнишь, какой сегодня день? День выборов нашего Любимого Президента! Если из-за тебя, тварь, Семеныч, никто не придет на выборы или не дай бог проголосует не за нашего Любимого Президента, я тебя, тварь, Семеныч, обесточу!

Семеныч положил трубку, закрыл глаза, досчитал до ста. Вызвал Сережу. Горестные и грустные они пошли по району в надежде успеть пустить лифты до вечера, потому что это было очень важно для нашей любимой страны.

Они пускали лифт за лифтом и думали, что из-за их безалаберной расхлябанности и привычке к горячительным напиткам наш народ на ближайшие шесть лет может лишиться своего Президента.

У них тряслись руки, их три раза било током, они чуть не раздавили трех кошек и двух старух, но ровно к пяти часам вечера судьбоносные железные машины загудели по высотным трубам нашего района Люблино.

Одухотворенный, просветленный народ, полный любви и глубоких чувств, пошел к избирательным участкам, чтобы выразить свою признательность и обожание, и поставить где надо галочки, и опустить куда надо бюллетени, и пойти потом куда надо для празднования и вдохновения.

Вечером Семеныч с Сережей стояли в промасленных синих ватниках на крыльце пивного ларька, курили «Яву золотую» и вместе со всеми ощущали единство земли и народа и понимали, насколько умен и хорош наш Президент.

А потом легкие перистые тучки накрыли район Люблино, наступила мгла, из которой в разные стороны из девятиэтажек расходились лучи света. Гудели лифты, плыл запах жареной картошки, где-то ненавязчиво из Дома культуры играл гимн России, в снегу возились дети.

Станция «Люблино»

Вчера поезд проехал станцию метро «Люблино», не открыв дверей. Он как обычно притормозил, засеменя мелкими шажочками, мы все встали и пошли к выходу: я, мужчина сорока лет с кожаным портфелем, две розовые девушки с короткими стрижками и айфонами, старушка с сумкой, из которой торчала голова копченой кеты, и еще человек пятнадцать.

Поезд постоял на станции, подумал, но двери не открыл и помчал до Братиславской. Хотя все в вагоне заметили странное происшествие, никто ничего не сказал, никто не проронил ни звука, никому не пришло в голову судорожно жать на кнопку связи и истерично орать машинисту, что мы едем мимо, только у старушки копченая кета в пакете чуть приоткрыла зубастый рот.

Я представил Судный день. Он начнется так же. Все москвичи будут ехать на работу. Читать Сенчина и Пелевина, сидеть в социальных сетях, лайкать Тимоти и Бузову, слушать Монеточку и Гречку, и тут вдруг, без объявления, все поезда вместо следующих станций отправят в длинные светящиеся туннели, в конце которых будут стоять ангелы в фирменных желтых жилетках метрополитена и производить нехитрый отбор. Причем, по каким принципам он будет происходить, москвичам будет непонятно. В рай попадут и любители Рахманинова, и Славы Сэ. Видимо никого наверху не волнует, что ты на самом деле здесь делал, главное чтобы электронные тестеры в руках ангелов светились зеленым цветом.

На Братиславской весь вагон, молча, перешел на противоположную платформу и дождался обратного поезда. Мне думалось, что обратный поезд тоже проедет Люблино, но он остановился, и машинист весело и немного развязно, с хрипотцой Высоцкого произнес: «Станция Люблино, следующая станция Волжская».

Мы вышли из вагона. Мужик с портфелем посмотрел на часы. Я тоже посмотрел на часы. Вдруг это был временной коллапс. Все произошло вне времени и пространства, в параллельной Вселенной, но, к счастью, все опаздывали на пятнадцать минут.

Латиносы

В мою «Пятерочку» зашли латиноамериканцы. Они бродили между полок с пластмассовым сыром и соевыми сосисками и пытались разобрать надписи на русском языке. Я сначала думал, что они приехали на чемпионат мира, но потом вспомнил, что вижу их здесь не в первый раз и еще прошлой зимой поражался их беспечному, наплевательскому к холодам стилю одежды.

Я купил кофе в автомате, вышел на улицу и сел на лавочку покурить, через десять минут появились и латиносы: приземистые широкие в бедрах женщины, никак не похожие на карменских красоток, и низенькие плосколицые мужчины, не поражавшие статью тореадоров.

Им бы пошли винтовки и огромные мексиканские шляпы, вздернутые вверх кулаки и громогласный клич: «но пасаран», Маркес и Борхес, но они просто тащили пакеты с батонами хлеба и кефиром «Домик в деревне».

«Что им тут делать?» – подумал я.

В округе нет ни одного института, и только железнодорожный техникум в Марьино не испытывает недостатка в студентах. Может, их учат на вагоновожатых. Где-нибудь в дебрях Амазонки они будут по узкоколейке пробиваться сквозь заросли вечнозеленого бамбука, отбиваясь от волосатых макак и рассматривая зеленых крокодилов, чтобы на редких станциях отстреливаться от банд наркоторговцев из русского автомата АКМ.

Я представил этих Мигелей и Лолит с автоматами. Картина показалась неважнецкая. Тем более, что латиносы сели на соседнюю лавочку и стали пить с горла кефир, передавая пакет друг другу, а один из них стрельнул у меня сигарету, хотя мог бы сам купить сигареты в «Пятерочке».

Рядом в ларьке таджики жарили курицу, армянин Ашот торговал персиками, на крыльце азербайджанской парикмахерской стояла Алия и призывно звала меня на стрижку, прошел электрик Сережа с Донбасса, недавно появившийся в ЖЭКе, таща через плечо хобот медного кабеля.

Латиносы допили кефир, докурили мою сигарету и пошли в сторону торгового комплекса «Москва». МЧС прислало смску об урагане, который якобы шел, но было ясно и свежо.

Убийство мужа

За окном закат, сочное ленивое солнце алым языком заползает за горизонт. В это время люблю выйти во двор и посидеть на лавочке, тем более скоро осень и двор опустеет.

Анна Михайловна, владелица одиннадцати пекинесов, подходит ко мне и садится рядом на лавочку. На ее левой руке небольшой шрамик, еле заметный из-под цветастого платяца с коротким рукавом.

– Вот, – говорит она, – дворничиха врет, – и тыкает пальцем в Любовь Платоновну, подметающую пластмассовой метлой двор и поливающую из зеленой лейки свои хризантемы.

– Что, – спрашиваю, – у нее на самом деле не хризантемы, а орхидеи?

– Она мужа не случайно убила, а специально.

Я представил Любовь Платоновну в маске киллера, с пистолетом с глушителем. Она заходит в свою квартиру поздно вечером, когда муж грузный, лысый и усталый пришел с работы с литейно-механического завода домой, выпил сто граммов водки «Праздничная», съел тарелку пунцового борща с чесночной пампушкой, поставил «Владимирский централ» Круга и уснул перед телевизором на футбольной трансляции «Спартак» – «Динамо».

Любовь Платоновна тихо входит в гостиную, она склоняется над мужем, одинокая струйка пота сползает по ее виску и падает на деревянный крашеный пол, она долго думает: пристрелить ли мужа из пистолета, задушить ли гитарной струной, или прибить сковородкой. На ее лице написаны сомнения.

С одной стороны, оставить дочь без кормильца – это преступление, а с другой стороны, избавить двор от песен Круга – её заветное желание. Сама она предпочитает Рахманинова и Шнитке. Любовь Платонова ходила в детстве в музыкальную школу, и ее скрипка до сих пор пылится где-то на антресолях.

Мои размышления прерывает Анна Михайловна. Она достает из розовой дамской сумочки ментоловый «Вог» и пускает синий дымок в предзакатное небо.

Если честно, мне неинтересно слушать, как и зачем Любовь Платоновна убила своего мужа. Я даже сомневаюсь в том, что мне жаль не мужа дворничихи, а дворничиху. Мне нравится, как она убирает двор и ухаживает за цветами, как подкармливает объедками дворовую кошку Лизку, мне нравятся ее футуристические наряды, которые она приобретает в секунд-хендах. Мне нравится выросшая дочь Любовь Платоновны, которая приезжает к ней по выходным из Подмосковья и привозит с грядок огурцы, помидоры, морковь и лук. Мне нравится, что выросшая дочь никогда не напоминает Любви Платоновне об ушедшем муже, и мне кажется, что при таких обстоятельствах ничего преднамеренного произойти не могло.

Ее муж наверняка, как лидер группы «Зоопарк» Майк Науменко, поскользнулся на мокром кафеле, принимая ванну, и неудачно ударился, а приехавшая скорая помощь, которую немедленно вызвала Любовь Платоновна, примчалась слишком поздно и не смогла его спасти.

Любовь Платоновну осудили за мокрые полы и неосторожное убийство и дали восемь лет, но она все равно, даже в тюрьме, носила годичный траур по мужу, как полагается настоящему христианину.

Я встаю с лавочку и бреду домой, тем более уже стемнело. Включили фонари, залившие ровным белым светом двор и окрестности. Мне кажется, что мир моего двора полон тайн, загадок и сумрака, и если долго вглядываться в его темные раскосые глаза окон и подъездов, то можно повстречаться с демонами и ангелами.

Автомат

У меня во дворе вся детская площадка завалена игрушками. Если вечером выйти и присесть на лавочку, когда уже вся детвора разбежится по домам, то можно найти танчики, самолетики, куклы без рук и глаз, куски конструкторов лего и детали для создания песочных пирожков. Никому они не нужны, ни один родитель не выбегает в поту в темноту, чтобы найти забытый ребенком подъемный кран или пожарную машинку.

Я помню, как один раз в детстве в 1978 году нашел в лесу игрушечный японский автомат. Он стрелял пистончиками, валил сладкий серный запах, раздавались радостные стрекочущие трели.

Я не мог себе отказать в том, чтобы не принести автомат домой. Папа, увидев добычу, посуровел, мама оторвалась от кровати младшего брата. На их лицах застыли ужас и неодобрение.

Мне долго в деталях и красках описывали страдания мальчика, потерявшего этот японский автомат. Как его папа спускает ему штаны и устраивает порку, как его мама не дает ему мороженое, вафельный стаканчик за 14 копеек.

Бедный униженный мальчик идет в глухой страшный лес и ищет в темноте по кустам и под березками свой дорогой и навороченный автомат, мальчик плачет, мальчик не может найти автомат, а в это время я, вор и негодяй, сижу дома и обнимаю ствол его оружия, абсолютно не понимая, как больно этому мальчику-растеряше.

Сначала я крепился и терпел, потом стал подергиваться, но когда мама сказала, как мальчик-растеряша замерзает в лесу в ночи и не может попасть домой, я в слезах выбежал во двор и бросил автомат среди детской площадки (в лес не пошел) и горестно побрел домой.

Никакого чувства сострадания к мальчику-растеряше я не испытывал, и даже более того, могу сказать, что до сих пор испытываю досаду, что этот навороченный японский автомат остался валяться на детской площадке.

Мне кажется, вместо мальчика-растеряши его нашел другой мальчик-счастливчик, чьи родители были менее щепетильны, а возможно даже похвалили мальчика-счастливчика, что он все тащит в дом и что растет настоящий социалистический хозяин.

Ашот

По улице Судакова со скоростью аристотелевской Мантикоры бежит владелец ночного магазинчика Ашот, у которого я покупаю дешевые сигареты «Донской табак». Он гонится за электриком нашего ЖЭКа Семенычем, которому уже два месяца задерживают зарплату. По крайней мере, так он говорил мне на лестничной клетке, когда мы курили и обсуждали моральный кантовский императив. Семеныч с Кантом скорее соглашался, я же, как человек творческий, к моральным аспектам отношусь осторожно. Я напоминал ему и о Маяковском с Лилей и Осей, и о Цветаевой с Парнок, но Семеныч был непреклонен, отчего вызывал у меня чувство зависти и уважения.

Ашот бежал и кричал:

– Сука, – а Семеныч разбрасывал во все стороны зубную пасту, мыло «Дегтярное», шампунь «Лесной» и бритвенные лезвия «Жилет Матч 3».

Я не собирался ловить Семеныча, хотя Ашот частенько давал мне в долг горячий хлеб, гречку и табак, а иногда и пиво. Водку в долг не давал.

Семеныч бежал как Борзаковский, ноги его легко приподнимались над землей, потом бережно и чудотворно парили, потом радостно и легко опускались на землю для следующего прыжка.

Ашот стремительно семенил, и казалось, что Ашот – это маленький кучерявый пудель, а Семеныч – брошенная ему злобной хозяйкой палка судьбы.

Рядом со мной на остановке 74-го троллейбуса сидели две старушки, ребенок пяти лет и участковый нашего двора Александр Петрович. При жаре в тридцать градусов и повышенной влажности он снял широкую синюю фуражку, пил «Саяны» и вытирал со лба пот огромным фиолетовым чистым платком.

Судя по всему, он ждал, пока Семеныч все выкинет и отдаст самостоятельно, потому что, во-первых, участковый не верит в показатели раскрываемости преступлений, а во-вторых, в каком-то роде является буддистом и считает, что злонамеренное вмешательство в естественный ход событий может привести к непредвиденным вселенским катастрофам.

Когда Семеныч выбросил все, что по какой-то необычайной случайности взял у Ашота, и скрылся во дворе дома № 23 по Проспекту 40 лет Октября, Александр Петрович допил «Саяны», надел фуражку и пошел помогать Ашоту собирать все, что выбросил электрик на землю.

Ашот, увидев помощника и взяв из рук участкового зубную пасту и шампунь, устало произнес:

– Сука же.

Александр Петрович, внимательно посмотрев на Ашота, потом оглядев всю улицу Судакова, серое небо с нависшими тяжелыми тучами и бабушек, сидевших на остановке, произнес:

– Дождя бы, месяц не было дождя, на даче все сгорит.

Одна из старушек, услышав что-то про дачу, взглянула в сторону участкового и Ашота и сказала, что у нее дача под Куравским, и на ней растут помидоры и огурцы в теплицах, картошка, яблони, вишни, облепиха и орех, а кабачки и так лезут, как тараканы, их даже поливать не надо.

Ашот посмотрел на старушку и пошел в свой магазинчик. Там как раз грузчик Ибрагим таскал поддоны привезенного белого хлеба.

Проездной

Я езжу по перегону Выхино – Куровское каждый месяц, иногда по два и три раза. У меня в деревне Давыдово живут родители.

Население, измученное сытной эпохой стабилизации, за проезд платит редко, да я и сам, честно говоря, с большим сожалением отдаю деньги за билет, но ввиду ста двадцати килограммового веса бегать не могу. Все же, когда идут контролеры, несутся к тамбуру. Остаются одни старики, старухи, грудные младенцы и я.

В тамбуре весь вагон замирает и ждет остановки, а когда она наступает, то перебегает в предыдущий тамбур, отчего зайцы оказываются за спиной прошедших контролеров.

Контролеры всё видят, но никогда не возвращаются, наверное, понимают, что могут получить от народа. Народ хоть и любит президента, но на контролеров настроен агрессивно.

И вот вчера я ехал от родителей с Куровской и где-то в районе Вялок зашли контролеры и стали требовать билеты, все люди разбежались. Остались семейные пары, я и, как не странно, мой сосед по дому дзюдоист Егор.

Когда контролеры попросили у него билет, он полез в карман, и одна из контролерш спросила:

– У вас что, билет есть?

– Есть, – надменно ответил Егор и достал смятую бумажку.

Билет был старый, повертев его в руках, старшая произнесла:

– Затерто, надо платить штраф.

– Я его купил на год, выгорел.

– Кто же в автомате проездные на год покупает. Надо платить штраф.

Вагон ехал, зайцы толпились в тамбуре и злились на Егора. Хотя они и оббежали контролеров, но пока те находились в вагоне, зайцы стыдились заходить в вагон.

– Может, по коду проверим, – спросила младшая и показала какой-то кнопочный прибор, в который необходимо было забить код билета.

– Нет, – ответила старшая, – надо платить штраф.

– Я его на год купил, – настаивал Егор.

Зайцы стали наглеть. Некоторые прошли в вагон и уселись на свои места, а самые шустрые бродили по вагону, то и дело подталкивая раскорячившихся контролеров.

– Ну вот, – произнесла младшая, – код вроде проходит.

– Нет, – настаивала старшая, – надо платить штраф.

– Жалко дурачка, на год купил.

– Если мы всех идиотов будем прощать, то развалится государство, – старшая внимательно посмотрела на младшую и поправила фирменную фуражку.

– Может, этих погоняем, – младшая грустно обвела взглядом зайцев. Зайцы притихли. На их лицах было написано недоумение.

Электричка подходила к Выхино, я достал рюкзак с верхней полки и двинулся к выходу. Контролеры, что-то нелicenseприятное сказав Егору, медленно прошли в следующий вагон. Штраф с него, кажется, не взяли.

Фернандес

Футбол закончился десять дней назад. Разъехались развеселые бразильцы, неунывающие перуанцы и невозмутимые нордические шведы, но в нашем когда-то тихом дворике до сих пор идут споры и происходят баталии. Больше всех беспокоится не ковщик Павел, не дряхлый электрик Семеныч и даже не одиннадцатилетний Игорек, посещающий спортивную секцию при стадионе «Москвич», а владелица одиннадцати пекинесов Анна Михайловна из 111-й квартиры.

Она подходит к нам уверенно и гордо, отпускает собачек гулять по зелененькой травке сквера и, высоко подняв указательный палец правой руки, предварительно поправив съехавшую на глаза косынку, говорит:

– Вы видели?

Мы молчим. Мы каждый вечер видим и слышим от Анны Михайловны одно и то же. Павел аккуратно ставит под скамейку недопитую бутылку пива «Жигуль», одиннадцатилетний Игорек замирает и перестает набивать пятнистый футбольный мячик, электрик Семеныч пытается покинуть нас скромно и незаметно, но Анна Михайловна хватает его за пуговицу старого пиджака с глубокими накладными карманами а-ля семидесятые и шепотом повторяет:

– Как можно не попасть с пенальти в ворота?

Мы еще больше напрягаемся, слышно, как настырный и безжалостный овод жужжит около моего уха. Где-то вдалеке потягивают одиннадцать пекинесов Анны Михайловны, загнавшие несчастную бесхвостую кошку Лизку на самый высокий тополь нашего двора.

Анна Михайловна медленно обводит нас взглядом. Мы вжали головы в плечи, окуроч «Донского табака» повис на моей нижней губе.

– Охереть! – громко и внятно на весь двор говорит Анна Михайловна.

Если честно, я немного опасаюсь за русского бразильца Фернандеса, не забившего гол с пенальти в матче Хорватия – Россия в четвертьфинале мирового первенства.

Я еще раз смотрю в милое, но ничего не понимающее лицо Анны Михайловны. Мне кажется, Анна Михайловна это вестник Апокалипсиса, но вместо черных коней с развевающейся гривой у нее одиннадцать настырных пекинесов.

Мне кажется, если бы у Анны Михайловны был карающий меч, то она бы подняла его над головой и отрубила кучерявую голову русского бразильца Фернандеса и подняла бы ее над головой, как ветхозаветная Юдифь, обезглавившая ассирийского полководца Олоферна.

Анна Михайловна еще раз осматривает нас, отпускает пуговицу пиджака электрика Семеныча и медленно идет к своим пекинесам, чтобы спасти бесхвостую кошку Лизку.

Ковщик Павел достает из-под скамейки недопитую бутылку пива, Игорек чеканит футбольным мячом. Я смотрю на развернутый на ближайшем доме плакат:

«Единая Россия: Барклай де Толли, Багратион, Фернандес».

Неформал

Я проснулся в субботу около десяти часов и решил сходить в парк Люблино. До него километр. Побрился, умылся и вышел на улицу. Солнце улыбалось ярко и весело, и мне хотелось, чтобы в парке было ярко и весело, потому что иногда именно это и нужно.

Пешком идти не хотелось, я сел в маршрутку и проехал пять остановок до Волжской, потом вышел, оглянулся и двинулся по главной аллее.

Здесь мне знаком каждый куст. Здесь двадцать лет назад я любил красивую девочку. Здесь я встретил другую красивую девочку и чуть не влюбился в нее, за этим поворотом стоял пивной ларек, и я любил сидеть на берегу прекрасного пруда на темной выцветшей лавочке, курить сигареты и потягивать из горла зеленой бутылки жигулевское пиво, закусывая жареным бараньим шашлыком из окрестных палаток и стуча по дереву воблой.

Мне все здесь знакомо, но вдруг я почувствовал: что-то меняется в пространстве. Мне навстречу стали попадаться неформалы: татуированные и пирсингованные подростки и взрослые с розовыми, фиолетовыми и зелеными волосами в рваных джинсах, ехавшие на роликовых коньках, скейтах и гироскутерах.

Неформалы шли колоннами, тысячи и тысячи неформалов без пива, беляшей и семечек (они глотали попкорн!). Неформалы катались на каруселях, прыгали на

тренажерах, запрещали мне разводить костер и выпивать на лавочке (из всех горячительных напитков я нашел только автоматы с кофе). Когда я попытался закурить сигарету, ко мне подошли четыре огромных добрых неформала и потребовали, чтобы я потушил сигарету, потому что в колясках сидело и лежало еще с десятков маленьких пухленьких неформальчиков.

Я стал искать любимый куст, но он был забетонирован. Я пошел к любимому дереву, но вместо него красовалась неформальная сиреневая пластмассовая сакура, мигавшая тысячью неоновых огоньков, на месте любимого пруда с жабами, лягушками и уточками красовался мраморный помпезный фонтан. У собак забирали какашки, кошки не гонялись за голубями, голуби не просили крошек. Исчезли рыбаки. С прудов, раскинувшихся голубой гладью, пропали беззубые красные пенсионеры и пенсионерши, которые здесь уже двадцать лет покачивали удилищами и тягали золотоголовых карпов и карасей. Их не было. В глубине парка пропали грибы, даже сыроежки.

Над всей идиллией летали автоматические дроны. Толпа неформальных детей тыкала в них пальцами, обедааясь гамбургерами, пиццей и кока-колой.

Я сел на отличную новую блестящую лавочку. Оглянулся по сторонам и вдруг понял, что в своей футболке «Битлз», кепке «Ну, погоди!», трениках с полосками и тапочках-вьетнамках неформалом уже являюсь я.

Мне представилось, что я сижу в зоопарке в клетке, на клетке табличка «Неведомая зверушка». Неформальные дети тыкают в меня палками и суют мизинчики сквозь прутья клетки. Неформальные родители одергивают их и кричат с ужасом: «Прокл, Варвара, Святополк, уберите ручки, оно кусается!»

Благородный дон

У моего дома номер 13 две остановки. Одна у магазина «Магнолия», а вторая (дальняя) у «Ветеринарной клиники». Я предпочитаю ходить на дальнюю. Даже не потому, что там кофейный автомат, а потому что каждое утро в 7.55 встречаю старого рокера. «Благородный дон» – называю я его. Седая шевелюра до плеч, но не расхристанная, как у Венедиктова с «Эха Москвы», а ровенькая. Что-то под солиста группы «Лейся, песня» из конца семидесятых. Аккуратно подстриженные усы, белая мраморная кожа, чистые голубые, немного потертые джинсы без дырок (как это сейчас модно), и не загнутые до щиколоток (как это сейчас модно). Чуть уловимый приятный запах дорогих сигарет «Кэптан Блэк» и тройного одеколona.

Но это не главное. Каждое утро у него новая футболка черного цвета. Сегодня это «Юрай Хип». Я мысленно говорю благородному дону: «Джулай Монинг».

Вчера была «Ролинг стоунс», и я прошептал: «Сатисфекшн».

Завтра будет (я проверял) «Битлз», и я произнесу: «Ви а ливинг ин ела субмарин».

Еще есть «Лед Зеппелинс», «Дорс», и однажды я видел благородного дона в субботу у «Домино-пиццы». Он красовался в «Тирексе».

Я хочу стареть также. Благородно, медленно, надежно, не предавая своей юности. Я хочу носить чистенькие глаженные футболки («Аквариум», «Зоопарк», «Кино», «Секс Пистолс»), курить сигареты «Мальборо Красные» и вместо пива, ввиду слабости здоровья, поглощать имбирный морс из ближайшей сушишницы «СушиВог».

Космос

Мы сидим в сквере. Передо мной семидесятилетний Семеныч, могли бы взять «Путинку», но купили кизлярский коньяк, деньги есть.

Вот, говорит Семеныч, закончил школу с тремя четверками, а в политех не поступил, какая-то дурацкая ошибка, и пошел помощником электрика на завод в Братске. Все учились полгода на второй разряд, а я за месяц. Странно, что наставник отпустил, все-

таки за ученика дают десятку к зарплате, мог бы шестьдесят рублей заработать, а он, говорит, иди, чему тебя учить, а учил странно. Я ему: Иван Степанович, что делать, а он: ищи, вот ткни сюда и ищи, а я думаю, что, блин, искать, но находил, сам находил, то есть наставник учил не как делать, а как мыслить, он как философ, что ли, Кант, говорил, просто твори. Я брал и творил, вот возьму провода, схемы, выключатели и иду к станку, а в тот день Иван Степанович заболел и арматурщица орет: «Бл*ть, электрик, у меня станок не работает». Я вообще не понимаю, как они, женщины, матом ругаются, сам вырос на Кубани, у нас даже мужики молчали, а тут в цех в Сибири заходишь, и женщины орут, вот, думаю, хрень.

Ну, так орет она мне, бл*ть, станок сломался, я подхожу, семнадцатилетний, к этой машине, куда тыкать, что сувать, и вдруг какая-то легкость появилась, крылья выросли, я взял один провод, пощупал, точно – обрыв, и буквально за пять минут восстановил.

Арматурщицы стоят, охренели, и тут кто-то начал хлопать, да-да, как в театре, мне, сопляку электрику на первом разряде, семнадцатилетнему, весь цех начал хлопать, и такая радость меня посетила, такое тщеславие обуяло, что я стал от станка к станку порхать, и когда срок вышел в институт заново идти, то не пошел, потому что это чувство артиста если хоть раз испытал, уже тебя не отпустит. Нахер мне вышка, если я у станка бог, если мне уважение и почет, и руку жмут сопляку и наливают, и место самое главное.

Семеныч замолк. Я долил коньяка. Мы выпили.

– А потом что? – спросил я.

– А потом женился, заводы электрифицировал, ты вот станцию «Мир» знаешь?

– «Космос», что ли?

– Моя работа, сами вызвали из КГБ, говорят, Семеныч, ты же бог, у нас электрика сложная, сделаешь?

– А вы?

– А я сказал, сделаю, зря затопили, могли бы еще двадцать лет летать, я свои скрутки знаю.

Над нами несмело и грустно шелестел дубок. Дети возились в песке, чей-то бультерьер Буля тыкался в закуску.

Где-то там, вдалеке, разрывался соловей. Семеныч выпил еще полста и прилег на лавку. Ему снились Королев, Циолковский и МКС.

Я бережно накрыл его плащом, положил под голову кепку и пошел за сигаретами в ларек.

Лизка

Пропадала подзаборная бесхвостая помоечная кошка Лизка. Пять лет она приходила на мой подоконник первого этажа и смотрела на моего кастрированного кота через окно. Кот бегал по квартире, пушил хвост, визжал, а потом успокаивался и часами сидел к ней нос к носу.

Я иногда гонял ее с подоконника (зачем, не знаю), иногда пытался кормить ее «Про планом», но она всегда предпочитала помойку и отказывалась даже от вискаса. На кис-кис Лизка не отзывалась, ближе чем на пять метров не подпускала, издавая воинственное шипение.

Первый год я беспокоился. Не так просто смириться, что весь март и в снег и в дождь на подоконнике сидит кошка и наблюдает за тобой, как камера наружного наблюдения.

В апреле Лизка исчезала, ее оплодотворяли какие-то безродные и разгульные коты, но любила она моего Феника.

Ближе к июню по двору бродили разноцветные котята. С ними возились дети, их пристраивали бабушки в переходе метро «Люблино» спешащим куда-то москвичам.

Лизка была трехцветная, счастливая, и вот пропала.

Комиссары в пластиковых шлемах

Начальник ЖЭКа, Федор Платонович, любит пластиковую карточку, на которую получает зарплату. Я вот, например, ненавижу. Когда ко мне на карточку приходят деньги с работы, я иду в Сбербанк и снимаю все до копейки, потому что Сбербанк обманул моих родителей. Они двадцать лет копили деньги на домик в Крыму, работая в Ханты-Мансийске, собрали 50 000, а в итоге в годы реформ остались с носом. Еле переехали в Подмоскowie, так и осталось ласковое Черное море у них в мечтах: крики чаек, белые комфортабельные теплоходы, желтый песочек, широкие панамки и солнцезащитные очки.

Я часто спрашиваю:

– Федор Платонович, что вы делаете?

А он лишь улыбается и говорит:

– Представь, Славик, зашел ты в «Дикси», купил Егорьевской вареной колбасы, балтийской соленой кильки, огурцы маринованные фирмы «Помидорка», пахучего черного бородинского хлеба, чеснока, литр пива «Черниговское светлое», вставил карту в приемник, ввел код и вот тебе мобильный телефон сообщает, что с тебя списано 385 рублей, а остаток 22 523 рубля и 75 копеек.

– И что?

– И вот этот остаток, понимаешь, Славик, так меня греет, что не могу ничего с собой поделаться. Такое чувство, что носишь в кармане, как улитка, все свое богатство: денежное наследство, домик в деревне, двухкомнатную квартиру, жену, детей и тещу и даже сокровенные мечты.

Я ничего не понимаю. Я смотрю вслед уходящему Федору Платоновичу и кручу пальцем у виска. Мне кажется, он очень доверяет действительности и не понимает, как хрупок и обречен мир.

Он не видит, что от любого чиха, от взмаха крыла пролетающей бабочки или звонкого лая пекинесов соседки Анна Михайловны он может рухнуть в любой момент.

Я надеюсь, это произойдет не при моей жизни, но снятся мне по ночам робобронепоезды, лавовые атаки дронов и железные комиссары в пыльных пластиковых шлемах, нагло и угрожающе склонившиеся над моей головой.

Окуджава

Во дворе по субботам бывший инженер литейно-механического завода Андрей Петрович выставляет на подоконник колонки и включает Булата Шалвовича Окуджаву. «Когда воротимся мы в Портленд», «Виноградная косточка» и «Последний троллейбус». Я сижу у окна и слушаю, мой кот Феник жует «Про план» и тоже внимает.

Когда вверх улетает голубой гелиевый шарик, выпущенный одиннадцатилетним Игорьком, племянником Андрея Петровича, то я грущу, потому что это так созвучно песенке великого барда.

Но иногда сладкое пение прерывается рекламой. Наверное, Игорек пустил дяде звук через ютуб. И вот уже «Ах Арбат, мой Арбат, ты моя религия» сменяется вкрадчивой рекламой прокладок, а вместо «На фоне Пушкина снимается семейство» раздается бодрый голос рекламщиков казино «Вулкан».

Я никогда не играл в казино. Один раз в 1993 году я зашел в казино «Люблино», но я был подшофе, поэтому тут же лег на мягкие диванчики и уснул. Меня несколько раз будили бодрые крупье и охранники, давали бесплатные пробные жетоны, но я их не использовал.

Андрей Петрович кричит из окна Игорьку, чтобы тот отключил ему этих говнюков. Но Игорьку лень подниматься пешком на пятый этаж. Он говорит, что если Андрей Петрович будет кричать, то он ему в ютубе включит рэп-батл Гнойного и Оксимилона.

Реклама казино заканчивается. Над двором шелестит Булат Шалвович. «Дураки обожают собираться в стаю».

Белая лошадь

В Люблино я хожу как все: синие оттянутые треники с полосками, старенькая полинявшая футболка в сеточку, резиновые сланцы и болотная мятая бейсболка.

Я выпиваю мало, точнее выпивал до тридцати, а потом лет пятнадцать не пил и только сейчас стал себе немного позволять. Понятно, что такой напиток как виски прошел мимо меня. В молодости коньяк «Метакса» считался самым крутым напитком, а когда появился виски, то уже не употреблял я.

В Люблино все берут или жигулевское пиво, или водочку, а я зашел в «Пятерочку» и увидел запыленную полку с виски. Дай, думаю, порадую соседа ковщика Павла.

Уже сам факт того, что кто-то остановился у полки с виски, вызвал у продавщиц ступор. Они притихли, весь магазин обернулся на меня. Понятно, что если я до этого сомневался, брать ли мне водку или виски, то теперь пришлось покупать виски. О нем я ничего не знал, помню только, что как-то раз старый приятель знаток Евгений Сулес сказал, что лучший виски «Белая лошадь». Стоил он 750 рублей. В пять раз дороже водки.

Я медленно, с видимой уверенностью взял бутылку виски «Белая лошадь» с полки. Магазин ахнул, продавщицы стали немного дергаться.

Я подошел с бутылкой к кассе и полез за мятой тысячей в карман треников, и тут охреневшая продавщица, вспомнив написанные ей хозяином магазина скрипты, заявила:

– Может, возьмете Blanton's Straight, лучший виски 2017 года?

Он стоил 7,5 тысяч. В магазине можно было услышать, как где-то там за горизонтом по железнодорожным путям на литейно-механический завод дрезина везет дизельное топливо.

Я не знал, что ответить, но снова вспомнил Женю (пусть живет долго и счастливо):

– Это лучший виски по соотношению цена – качество, – промолвил я и сурово посмотрел в лицо окончательно опешившей продавщицы.

На нее было жалко глядеть.

– Да, – произнесла она, – нечего возразить, – она быстро и судорожно пробила виски «Белая лошадь», завернув бутылку в красно-белый пакет.

Мы вышли с Павлом на улицу. Жарило майское солнце, летали пташки, разрывались соловьи. Мы купили две сосиски «Останкинские» и пошли за гаражи. Расстелили газетку и сели на теплую и мягкую землю.

– Белая лошадь, – сказал я и разлил виски по пластмассовым стаканчикам.

– Да, белая лошадь, – ответил Павел и радостно улыбнулся.

Голубь

Если долго сидеть во дворе и кормить голубей хлебом, купленным в универсаме «Пятерочка», то обязательно прилетит белый голубь. На фоне серых, невзрачных и вороватых собратьев он выглядит иностранцем, попавшим в провинциальное захолустье.

Ходит белый голубь гордо и неспешно, к брошенным крошкам не поспевает, его постоянно опережают серые голуби и юркие воробьи.

В конце концов, сжалившись над белым голубем, я встаю со скамейки, подхожу к нему, распугивая его сородичей, и запихиваю хлеб чуть ли не в клюв. Тем более он единственный голубь, который меня не боится и практически готов запрыгнуть в руки.

Поев из моих рук, белый голубь немедленно взлетает и, сделав прощальный круг над сквером, исчезает где-то в районе остановки.

Сегодня перед работой я как обычно шел в ветеринарную клинику пить кофе из автомата. Утро – самое жесткое время, я иду, ничего не замечая, но тут я поднял голову и разглядел летящего белого голубя.

Он направлялся к гаражам (у нас до сих пор мэр не снес гаражи). Я проследил за голубем взглядом, и над одним из гаражей заметил пристроенную голубятню, в которой копошилось с десяток белых птиц.

«Оказывается, ты домашний, – подумал я, – зачем же ты обедаешь серых голубей».

Вечером, когда я кормил бородинским хлебом серых голубей, белого голубя у моих ног не было.

Здоровое питание

Шел дождь, невеселый, крупный, но редкий. Я брел в магазин здоровой пищи, потому что решил изменить жизнь.

Не скажу, что меня что-то беспокоило, но добравшись до сорока семи лет, я вдруг понял, что сделал очень мало. Это гнетущее чувство стало посещать меня каждое утро, когда я смотрел на свое отражение в зеркале, чистил зубы, брился, умывался и насвистывал «Дорс».

Вот возьмем, например, соседа напротив Павла, он ковщик, он внучатый племянник Есенина, он колокола льет. Дряхлый электрик Семеныч из 107-й квартиры запускал космическую станцию «Мир», Анна Михайловна, владельца одиннадцати пекинесов из 111-й, строила завод «Москвич», а я занимаюсь хернёй.

Поэтому для будущих свершений я решил продлить свои годы любым доступным мне способом, а самая простая возможность – это изменить питание.

В магазине мне открылись полки с качественным товаром: российские сыры, выдержанные год, а не созданные за неделю в барокамере, молоко, прокисающее через пять дней, кефир давно позабытого цвета и запаха, колбасы, которые необходимо съесть за три дня, нерафинированное краснодарское подсолнечное масло, курицы, не обколотые антибиотиками, и минеральная вода без газа и пузырьков. Все полезное, качественное, но безвкусное и дорогое.

Глаза разбегались, руки чесались. Я купил сыр и айран, вышел на улицу и задумался. Дождь почти перестал. Откуда-то из-за туч вылезло сонное вечернее светило, и вялые собаки выпрыгнули из подвалов на улицу.

Я сжимал пакет со здоровым питанием и судорожно искал по карманам зажигалку и пачку сигарет. Но их не было, наверное, забыл дома. Тогда я свернул в ночной ларек к Ашоту. Он улыбнулся и поприветствовал меня:

– Привет!

– Салам, – ответил я и купил у него Мальборо-лайтс, буханку белого хлеба, от которого меня пучит, норвежскую селедку, запрещенную мне из-за гастрита, и копченую грудинку, которую мне тем более есть нельзя.

Курение

– Закурить есть?

Сначала моя рука дернулась к карману, но в последний момент я ее остановил, потому что рассмотрел просящего. Это был прилично одетый ухоженный мужик моего возраста, в два раза больше меня и в два раза толще меня. Это не был бомж, или пенсионер, или студент. Просто огромный чистый ухоженный мужичара.

Поэтому я одернул руку от кармана и прошел мимо, ничего не сказав, к тому же в этот момент я обдумывал последний стих Пуханова про крабов. Стих мне не то чтобы понравился, но в нем Пуханов писал, что уже десять лет не курит и не пьет и спокойно

может заплывать на середину Люблинского пруда. Меня мучили зависть и горечь. Я плавать не умею, выкуриваю полторы пачки сигарет в день, да еще и люблю по пятницам после работы выпить пива.

Поэтому я прошел мимо мужика и ничего не сказал.

– Ты что, глухой?

Я шел и молчал.

– Ты что, тварь, оборзел, отвечай?

Я молчал.

Я услышал топот, кто-то догонял меня. Потом меня подняли на два метра над землей и начали трясти. Я еле удерживал пачку с десятью сигаретами (дневная норма) и следил, чтобы не выпали банковская карточка и паспорт.

Меня потрясли минут пять и бросили в кусты. У метро Люблино есть пустырь, поэтому кусты были.

– Тварь, – послышалось мне еще раз.

Я медленно встал с земли, отряхнулся и взбодрился. Мой обидчик удалялся к подземному переходу.

Отойдя на приличное расстояние, я крикнул ему в спину:

– Свои купи, – и побежал к отходящей маршрутке.

Водитель дождался, когда я, запыхавшийся, впрыгнул, и закрыл дверь.

Двухметровый красный мужичара грозил мне кулаком через стекло, а я стоял и думал о вреде курения.

Хризантема

Стоим с ковщиком Павлом на крыльце и курим. Летом мы выходим на улицу и посасываем сигареты на свежем воздухе, потому что поют птички, да и, честно говоря, иногда мы понимаем, что курить в подъезде моветон.

Дворничиха Любовь Платоновна, в широкополой цветастой шляпе и оранжевых штанах, отсидевшая восемь лет за убийство мужа по неосторожности, копается в клумбе, возится у цветков, поливает их и лелеет, и мы не можем до конца понять характер дворничихи, потому что с нами она молчалива, а с цветами разговаривает.

У нее странные цветы. Они могут месяцами сидеть в земле неприглядным корешком, а потом вдруг расцвести яркой хризантемой, и тогда весь двор наблюдает, как славная красота врывается в пространство, собирая любителей прекрасного, кошек и собак.

– Откуда только все берется, – говорит Павел и смотрит куда-то в сторону.

Я оглаживаю мир: старух на лавочке в косынках, детей со сбитыми коленками на футбольной площадке, рэперов-подростков, сидящих на траве в дальнем углу двора и слушающих какую-то забубень, желтую стену дома, пластиковые окна, мраморный фонтанчик.

– Что, – спрашиваю, – берется.

– Да вот, сидит человек, сидит, как барсук в норе, а потом, вдруг, раз, и все изменилось.

Я смотрю на Павла удивленно. Струя «Донского табака» уходит ввысь вертолетом.

– В церкви, что ли, был?

Павел отрывает свой взгляд от глубины неба, переводит его на меня, молчит протяжно и выразительно, наверное, что-то вспоминает, меня даже не видит.

– Может, пиво выпьем? – спрашиваю.

Павел аккуратно гасит сигарету об урну, затушенный бычок кидает в зеленый зев бачка. Мы оба смотрим, как дворничиха Любовь Платоновна обрабатывает свою хризантему и напевает «сердце, тебе не хочется покоя».

– Заказ сегодня, – отвечает Павел, и мы расходимся по квартирам до следующей встречи.

Кассирша

Кассирша орала. Если честно, я с социалистического возраста не видел таких злых кассирш. В детстве продавщица соседнего универсама так гоняла алкашей за то, что они долго собирали мелочь.

Кассирша нашей «Пятёрочки» точь-в-точь напомнила продавщицу из детства.

Она, почему-то, вопила на старушку, которая решила заменить ванильный зефир на обыкновенный, топала ногами, летели слюни, менеджеры зала ее не одергивали.

Когда старушка ушла, так и не заменив зефир, кассирша подняла глаза на меня, и я понял, что мне не повезло. Я помял в руках батон хлеба и произнес:

– Хорошее утро, как пенсия.

Кассирша опешила, позеленела и прошептала (ей на вид было лет пятьдесят):

– Если доживем до пенсии.

– Доживем, почему нет?

– Потому что вам, мужчинами, пенсию подняли на пять лет, а нам, женщинам, на восемь. Где справедливость?

– Гореть им в аду, – вздохнул я и зачем-то представил котлы со смолой, жаркий огонь и бесовские пляски.

За моей спиной скопилась очередь. Полусонные таджики спешили на службу в ЖЭК, ковщик Павел выбежал за сигаретами, соседка из 111-й квартиры крутила в руках сливочную помадку.

– Сколько вам до пенсии, – подумав, спросила кассирша.

– Теперь лет двадцать.

Кассирша радостно вздохнула (наверное, посчитала в уме, сколько ей до пенсии, и сравнила с моей цифрой) и стала пробивать товар.

Очередь тоже повеселела. На жидкокристаллическом рекламном экране показывали футбол.

Бассейн

Я ехал домой на троллейбусе 74 и читал Валерия Попова. И вот когда Анатолий Мариенгоф... Ой, это из Прилепина. На самом деле я читал, как Зощенко отравили газами. И вот когда, значит, Михаила Михайловича отравили хлором, как бедных сирийских жителей, то водитель объявил, что следующая остановка «Бассейн», а я живу в Люблино уже двадцать лет и все это время остановка называлась «Магазин “Оптика”».

Услышав, что следующая остановка называется «Бассейн» я испугался, подумав, что сел на другой маршрут, но все автобусы, троллейбусы и маршрутки до меня идут прямо, сворачивать негде, поэтому у меня по лбу потек пот.

Представилось, что я попал в другой район, туда, где находится не моя квартира, а жилплощадь какого-нибудь Евграфа Платоновича Дубикова, и сейчас я войду в чужой дом, сяду за чужой стол, съем чужой борщ, приготовленный чужой женой, за что меня арестуют органы правопорядка.

Мои дети, мои родственники, жена Лена и родители будут рыдать и страдать, не понимая, что к Дубикову я проник случайно, перепутав действительности.

Увидев все это вживую, я выбежал на ближайшей остановке, этой самой «Бассейн», и каково было моё удивление, когда я попал на свою остановку «Магазин “Оптика”».

Я внимательно рассмотрел мир. Рядом ходили привычные дети и старушки, на лавочке сидели бомжи и требовали законный полтос, над овощным ларьком победно

развевался флаг Абхазии, сосед Егор привычно протянул мне ладонь для рукопожатия. Все было как всегда, но на остановке висела табличка. «Бассейн» вместо «Магазин «Оптика»». Это ошарашивало и пугало.

Надо признать, что магазин «Оптика» уже года три как разорился. Сначала сдавал в аренду свои площади каким-то прощелыгам по чуть-чуть, а потом прощелыг становилось все больше и больше, а магазина все меньше и меньше, пока весь зал не заняла продуктовая «Магнолия», где из-под полы ночью можно купить водку.

И вот теперь какой-то бесчувственный чиновник, возможно, сам мэр Москвы, не спросив жителей района, изменил название остановки.

«Что же будет с нами теперь», – думал я, бредя к своему дому 13, готовый ко всему: переименованию улицы, перенумерации дома, перефамиливания меня и даже к переизбранию президента.

Миллионы читателей

У метро «Люблино» на лавочке с полузакрытыми глазами лежит издательша с желтым метровым плакатом на длинной палке «Издадим Вашу книгу».

– Что, – спрашиваю, – печатаете?

Открывает один глаз, медленно осматривает меня, от ботинок фабрики «Воронежская обувная продукция» до китайской футболки «Не посрашим».

– Вот, – говорит, – всякая мерзота подходит и норовит издаться за мой счет.

Я удивляюсь:

– А как надо?

– Надо за счет автора, – отвечает издательша и отворачивается от меня окончательно.

Меня раздражает невнимание ко мне. Может, я Лермонтов, или Бабель, или Конан Дойл, но издательша лежит на лавке и не двигается.

– С утра лежу, никто не подходит, – говорит издательша и стреляет у меня сигарету.

Я даю ей «Донской табак» и оглядываю толпу, спешащую в парк Люблино. Наверняка среди них есть авторы. Сейчас не пишет только ленивый. Но никто не подходит.

– Совсем не читают, – сопит издательша и поднимается с лавки. Желтое знамя «Издадим Вашу книгу» колышется над ее головой, где-то в вышине светит жгучее июльское солнце.

Мне кажется, что читают, но как-то не так. Я сам покупал последнюю бумажную книгу четыре года назад. Цифра убила мир. Скоро библиотеки закроют за ненужностью или сделают из них кофейни, игровые комнаты и виртуальные бордели. Достоевского запретят, Толстому сбреют бороду и отправят в утиль, Пушкину обрежут бакенбарды.

Снос пятиэтажки

Когда объявили о сносе нашего пятиэтажного кирпичного сталинского дома номер 13 с гулкой аркой и ажурными балкончиками, то все со всеми перезнакомились.

Я-то раньше соседа напротив не знал и не здоровался ни с кем, а тут мне: «Привет Вячеслав Анатольевич, здравствуйте Вячеслав Анатольевич, как дела Славик».

Бывало, когда стоял, курил на лестничной клетке, то соседи молча пройдут или цыкнут что-нибудь, а тут все друг к другу стали ходить в гости, все рассказывают о своих семьях. Кто, когда сюда переехал, кто сколько лет живет. У всех радостные открытые возвышенные лица, все готовы к титанической борьбе. Ведь никто не хочет, чтобы его крепкий теплый домик с уютным тихим двориком заменили на тридцатиэтажную бездушную стандартную бетонную коробку.

Люди повадились собираться во дворе компаниями и, размахивая руками, громко говорить:

- Мы любим, любим дом!
- В этом доме прошла наша молодость!
- Куда же нам теперь деваться!
- Здесь нам знаком каждый уголок!

То и дело они ходили в ЖЭК и администрацию и растерянно и смущенно, а то и угрожающе спрашивали у таких же опешивших и ничего не понимающих чиновников:

– Зачем сносить, что построено на века и будет жить вечно, зачем вносить в цельное природное явление разрушение и смерть?

Но бедные и замученные депутаты и префекты только покачивали головами и как-то задумчиво и грустно отвечали:

– Жизнь не стоит на месте. Все мы рождаемся, плодимся и умираем. Ничто не вечно под луной. Каждый дом должен быть уличен в собственной старости и бессилии. Мы должны разрушить пятиэтажные дома, а на их месте возвести радостные, смешные, понятные тридцатиэтажки, в которых будут жить простые русские люди, полные любви и благодати. Зачем вы сюда пришли? К чему вы смущаете мэра и президента?

И люди, и я, и мы стояли и не могли понять депутатов и префекта. Что они говорят? Что это за речи? Почему смерть так сильна и властна? Есть ли где-нибудь мир и сострадание? Но нас никто не понимал и никто не слушал.

Мы стали плохо спать. Иногда во дворе по ночам на лавочках стали собираться старухи, мучимые бессонницей. Они грустно и протяжно вздыхали, и даже таджики, люди неместные и, в общем-то, до судьбы дома безразличные, стали нам глубоко сочувствовать, о чем-то непонятно переговариваясь у помойки.

Однажды мы проснулись, и весь дом был заклеен листовками, предлагающими идти на митинг. И Сергей Иванович с Донбасса, и Анна Михайловна с пекинцами – все решились броситься на штурм, но потом, поговорив на детской площадке о судьбах Родины, постановили на демонстрацию не ходить, боясь способствовать Западной Европе и Америке в деле разрушения Российской государственности.

– Что же нам делать, – думали все, – что же нам делать?

И тогда Андрей Петрович, старый натруженный болезный сталевар, сорвавший спину не на одной домне на литейно-механическом заводе, предложил посадить вокруг дома тополя, чтобы пришедшие на снос экскаваторы, уткнувшись в природную красоту, не могли дрогнувшей рукой разрушить дом, ибо все мы добрые и порядочные люди.

Это был ясный, солнечный и прекраснотушный день. Всё население нашего дома номер 13 по проспекту 40 лет Октября вышло на субботник. Из дальнего питомника совхоза «Мелиоратор», расположенного в Куровском районе Подмосковья, привезли пушистые тополя, медвяные липы, трепещущие яблони и гладкоствольные березы.

Дети, мамы, папы, бабушки, дедушки и таджики копали блестящими штыковыми лопатами глубокие теплые ямы, в которые опускали тоненькие саженцы.

Когда губастое овальное светило закатилось за горизонт, весь дом был окружен молодым и густым лесом, через который не могла просочиться даже мышь.

На следующее утро урчащие, клыкастые бульдозеры с отвисающей до пола слюной не пробились к нашей прекрасной сталинской пятиэтажке.

Все население ликовало! Депутаты, префекты и мэр были в бешенстве!

P.S.

Хочется умереть летом, даже не летом, а где-нибудь в сентябре, когда пройдут дожди первой декады и установится тихая пятнадцатиградусная осенняя погода. Если умираешь в январе, то и хоронить холодно, да и на могилку потом твою в лютые морозы на годовщину никто не придет.

В сентябре же лафа: птички еще не улетели, паутинки парят, друзья идут веселые и слегка поддатые. Сядут на кладбище на травку, развернут газетку с колбасой и сыром, опрокинут по пятьдесят и вздохнут: «Как хорошо, что он умер в сентябре, как радостно и прекрасно вокруг, как замечательна жизнь и утомительна смерть! Как велик мир, как мы его любим!»

И вот под эту их слезливую дурашливую дребедень мне будет лежаться легко и замечательно, словно это я сам пришел к себе на кладбище и это я сам поминаю себя и радуюсь миру. Словно я поднял с ними эти злополучные пятьдесят граммов и теперь могу говорить с ними о чем захочу, даже о собственной смерти.